

УДК 94 (47).084.8 (575.2) (04)

КОНТРОЛЬНО-ИНСПЕКЦИОННЫЕ И ХОЗЯЙСТВЕННО-ОРГАНИЗАТОРСКИЕ ФУНКЦИИ ОРГАНОВ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ ВОЕННОЙ ЭКОНОМИКИ СССР (1941–1945 гг.)

А.М. Демидов – первый секретарь Посольства России в Кыргызской Республике, канд. юрид. наук, доцент

During the World War II National safety authorities played an enormous role for gaining positive result in military economy.

Основные контрольно-инспекционные и хозяйственно-организаторские функции в сфере военной экономики были возложены на органы госбезопасности СССР Государственным комитетом обороны (ГКО) и ведомственными нормативными актами. Постановлением ГКО “Об охране важнейших промышленных предприятий” от 8 августа 1941 г. и принятыми в том же месяце директивами НКВД СССР №213 и 314/9404 особое внимание обращалось на обеспечение бесперебойной работы объектов оборонных отраслей промышленности. В военное время это приобрело особо важное значение.

На совещании руководящего состава Управления НКВД по Горьковской области в январе 1942 г. говорилось: “Если в мирное время недостатки в деятельности наших предприятий изучались, анализировались, а потом через сигнализацию вышестоящим органам принимались меры, то теперь оказалось необходимо, вскрывая саботажников, вредителей, тормозящих работу заводов, сочетать это с личным вмешательством наших сотрудников в работу по выполнению государственных заданий”¹. Задача осложнялась тем обстоятельством, что многие заводы должны были в кратчайшие сроки освоить новые виды необходи-

мой фронту продукции, полностью перейти на выполнение военных заказов, среди которых было множество особо срочных и важных, в том числе по восстановлению прерванных эвакуацией или налаживанию новых производственных связей. В этих условиях роль органов государственной безопасности заключалась в контроле за военным производством, за транспортировкой остродефицитных материалов, сырья, комплектующих изделий и других особо важных грузов. Вводилась личная ответственность оперативных сотрудников за нормальную работу конкретных объектов военной экономики, за успешную реализацию заданий ГКО и правительственных заказов. В этих же целях практиковалось создание специальных оперативных групп².

Об огромном напряжении, с которым приходилось работать оперативным сотрудникам в первые военные месяцы, говорит следующий факт. В Экономический отдел (ЭКО) Управления НКВД по Горьковской области из Наркомата внутренних дел СССР в среднем каждые третьи сутки поступала очередная телеграмма с требованиями о принятии самых

¹ Архив Управления ФСБ России по Нижегородской области (далее – АНО). Ф. 23. Оп. 6. Д. 49. Т. 2. Л. 114.

² АНО. Ф. 23. Оп. 6. Д. 49. Т. 2. Л. 114; там же. ФСД. Д. 66. Л. 389; Архив Управления ФСБ России по Челябинской области (далее – АЧО). Ф. 27. Оп. 1. Д. 4. Л. 8; Архив Управления ФСБ России по Свердловской области (далее – АСВО). Ф. 1. оп. 1. д. 127. л. 18.

решительных мер по вопросам, связанным с выпуском оборонной продукции, транспортировкой деталей, заготовок, металла и других грузов. Просьбы аналогичного содержания из территориальных органов госбезопасности поступали в ещё большем количестве¹. Выполняя соответствующие приказы и установки, оперативные работники были вынуждены вмешиваться в производство.

От органов госбезопасности требовалось немедленно реагировать на все так называемые “узкие места” в военной экономике, безотлагательно “обрушиваться всеми средствами” и добиваться скорейшего устранения всех помех, которые, как тогда зачастую считалось, были умышленно направлены на срыв поставок фронту и создавались по заданию германских разведывательных органов. Так, в форме контрразведывательной борьбы с противником осуществлялись контрольные и хозяйственно-организаторские функции, возложенные на органы государственной безопасности. Это не могло не дезориентировать оперативных работников в оценке ими действительных причин экономических проблем. В случае срыва производственной программы на каком-либо объекте экономики, работа подразделения госбезопасности, осуществлявшего его контрразведывательную защиту, оценивалась, как правило, также неудовлетворительно. Недостаточно эффективная работа по контролю за производственным процессом становилась предметом острой критики. Так, например, было в последние дни 1941 г., когда горьковский завод “Красное Сормово” сорвал выпуск танков Т-34, так как закончились радиаторы. Местным руководством Управления НКВД было объявлено, что виновником создавшегося положения является Сормовский горотдел (ГО) УНКВД, который был обязан дать прогноз не за пять дней до полного использования запаса радиаторов, а гораздо раньше, чтобы через партийные и правительственные органы своевременно принять соответствующие меры². В пример поставили сотрудников Автозаводского ГО УНКВД: когда на Горьковском автозаводе оказалась проваленной программа

производства минометов, нарком Берия приказал закрепить за заводе “сколько угодно чекистов”, но таких, которые бы смогли любым способом “вытащить” производственную программу³. Указание наркома сотрудники отдела выполнили. В другом случае они предотвратили угрозу срыва производства легких танков Т-60 из-за неудовлетворительных поставок комплектующих деталей. В связи с этим навстречу транспортным грузовикам ГО УНКВД направил свои легковые автомашины, на которые перегрузили часть дефицитных деталей и привезли на заводскую сборку. График производства танков был обеспечен⁴.

В такой форме реализовывалась прямая обязанность органов государственной безопасности – контроль за производством и обеспечение важных оборонных заказов. Выполнение этих функций вело к подмене деятельности хозяйственных и административных подразделений экономических объектов. Начальник Управления НКВД по Челябинской области Булкин информировал Областной комитет ВКП(б) о причинах срыва Челябинским тракторным заводом выпуска танков и отметил, что снабженцы забыли заказать на заводах-поставщиках ряд деталей, которых на складах числилось больше, чем оказалось в действительности. Контроль за наличием и хранением деталей на складах полностью отсутствовал⁵. Аналогичная картина проявилась и в г. Горьком: “С топливом плохо, сырья нет, а на заводе об этом мало кто беспокоится”⁶. Поэтому оперативным работникам приходилось самим браться за материально-техническое обеспечение производства и усиливать “нажим” на хозяйственников.

Информация о состоянии дел на объектах военной экономики поступала из органов государственной безопасности в местные комитеты ВКП(б), а также направлялась в центральный аппарат НКВД СССР для соответствующего реагирования. На основании поступающей с мест информации и по материалам собственного контроля НКВД СССР 28

³ Там же. Л. 52–53.

⁴ Там же. Л. 57.

⁵ АЧО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 4. Л. 317–318.

⁶ АНО. Ф. 23. Оп. 6. Д. 48. Л. 67.

¹ АНО. Ф. 23. Оп. 6. Д. 48. Л. 52–53.

² АНО. Ф. 23. Оп. 6. Д. 48. Л. 55–56.

ноября 1941 г. разослал циркуляр №188/53, в котором нашли своё отражение существенные недостатки в оперативной работе на оборонных предприятиях, а также в осуществлении работниками территориальных органов госбезопасности личного контроля за производством вооружения и выполнением заводами заданий ГКО и других военных заказов. В документе констатировалось, что многие заводы сорвали выпуск вооружения, особенно миномётов и противотанковых пушек. По мнению майора госбезопасности Ткаченко, подписавшего названный документ, к такому положению привело неудовлетворительное состояние оперативной работы на оказавшихся в прорыве заводах, а также незнание оперативными работниками производства, отсутствие контроля за восстановлением эвакуированных предприятий и отсутствие решительных мер по разоблачению саботажников и привлечению их к ответственности. В циркуляре со ссылкой на указания Берия требовалось своевременно выявлять причины срыва планов выпуска военной продукции, немедленно устранять их на месте через партийные и хозяйственные органы, привлекая к уголовной ответственности лиц, срывающих работу. В случаях, если вскрытые причины устранить на месте не представлялось возможным, следовало немедленно ставить о них в известность наркомат внутренних дел для своевременного принятия необходимых мер через соответствующие инстанции.

Несмотря на усилия органов госбезопасности положение в лучшую сторону менялось медленно. Чаще всего крупные аварии, взрывы и пожары на объектах военной экономики являлись следствием бесхозяйственности, грубейших нарушений правил техники безопасности, преступной халатности или эксплуатации устаревшего и пришедшего в негодность оборудования. То есть, причины чрезвычайных происшествий были далеки от реальной подрывной деятельности противника. Наиболее опасной по последствиям была ситуация на предприятиях Наркомата боеприпасов СССР (НКБ): грубейшие нарушения технологического процесса и элементарных правил техники безопасности приводили к пожарам и взрывам с большими человеческими жертвами. Одно из таких чрезвычайных происшеств-

вий в середине 1942 г. произошло на заводе №401 НКБ. В огне пожара погибло 13 человек, материальный ущерб составил 400 тыс. рублей. Оборудование основных цехов было уничтожено, завод полностью вышел из строя. Немедленно были арестованы главный инженер, главный энергетик и мастер электроотдела завода. Специально созданная для расследования чрезвычайного происшествия комиссия органов госбезопасности установила, что в цехе, где возникло загорание, несколько месяцев эксплуатировалась временная электропроводка, не отвечавшая элементарным требованиям пожарной безопасности. Администрация и рабочие цеха, пожарный надзор неоднократно требовали от руководства завода заменить её, но никаких мер предпринято не было. Выяснилось также, что в цехе систематически скапливалось большое количество готовой продукции (термита), а к моменту пожара только на одном участке цеха находилось 30 тонн термита вместо 1–2 тонн, допустимых по правилам техники безопасности. Последовал вывод комиссии: пожар мог быть предотвращен, но Миньярскому районному отделению УНКВД по Челябинской области не было известно о систематических грубых нарушениях техники безопасности на заводе. В связи с этим нарком Берия приказал арестовать и передать суду за развал работы временно исполнявшего обязанности начальника названного райотделения сержанта госбезопасности Самарина¹. Реализуемый в таких формах принцип личной ответственности способствовал смещению акцентов в работе оперативных подразделений в сторону подмены ими других государственных и хозяйственных органов и заставлял наращивать усилия в стремлении охватить всё и вся.

Выполняя свою задачу, органы государственной безопасности существенно снижали потенциал реальных угроз различного рода чрезвычайных происшествий на объектах оборонных отраслей промышленности. Накапливался опыт работы с противодиверсионным

¹ Приказ НКВД СССР от 7 августа 1942 года «О результатах проверки состояния агентурно-оперативной работы Миньярского райотделения УНКВД по Челябинской области».

осведомлением, улучшалось качество руководства секретными сотрудниками. Благодаря конкретным и целенаправленным инструктажам многие из них были готовы правильно и, что особенно важно, самостоятельно действовать в сложных ситуациях, в экстремальных условиях. Так, например, в 1942 г. противодиверсионными осведомителями ЭКО УНКВД по Горьковской области было предотвращено 38 аварий из 104, предотвращенных по их же сигналам. В том же году по информации противодиверсионного осведомления ЭКО УНКВД по Куйбышевской области было предотвращено 29 взрывов, 17 пожаров, 26 аварий и 41 поломка оборудования¹. В первые годы войны органам государственной безопасности приходилось заниматься малозначительными, на первый взгляд, проблемами производства, предотвращать или расследовать факты даже незначительных аварий и поломок оборудования, которые настолько сбивали ритм производства, что ставили под угрозу срыва выполнение военно-производственных заданий ГКО.

В наиболее напряженные 1941 и 1942 гг. органам госбезопасности приходилось подключаться и к преодолению узковедомственных интересов, которые особенно проявлялись в период эвакуации и восстановления промышленных предприятий, когда рвались производственные связи и для выполнения плана использовалась любая удобная возможность заполучить сырье, материалы, топливо и т.п., не задумываясь об ущербе общему делу. Чем больше имел полномочий тот или иной представитель какого-либо наркомата, тем решительней он действовал в интересах своего ведомства, нередко в ущерб другим. Когда эти противоречия обострялись, приходилось вмешиваться органам государственной безопасности. Это можно проиллюстрировать следующим примером. В феврале 1942 г. директор Кировского завода в Челябинске И.М. Зальцман, который одновременно являлся заместителем наркома танковой промышленности, прибыл в Нижний Тагил, где были перебои с выпуском танков Т-34 на местном заводе. Произведя значительные перестановки кадров, он

отправился в г. Свердловск и подробно выяснил, какие эшелоны с эвакуированными заводами стоят на железнодорожных путях, какое в них оборудование. Несколько вагонов с нужными станками Зальцман немедленно отправил в Нижний Тагил, а на танкостроительном заводе №183 закрыл производство остродефицитных артиллерийских передков для 76-мм пушек, поставляемых Наркомату вооружения².

Своеобразной реакцией на это решение Зальцмана стала проверка Кировского завода, проведенная группой ЭКУ НКВД под руководством Борисковского. В результате проверки появилось спецсообщение в Челябинский обком ВКП(б) от 2 апреля 1942 г., в котором утверждалось, что на заводе значительная часть станков простаивает или используется не на полную мощность (в одном из цехов из 900 исправных станков ежедневно простаивали 300–350). Вывод следовал однозначный: установить, какое избыточное оборудование подлежит изъятию с Кировского завода для переброски другим нуждающимся в нём заводам³.

Нередко случалось, что в ходе изучения производственной деятельности того или иного предприятия оперативные работники вскрывали факты различного рода приписок и очковтирательства, прибегая к которым администрация создавала видимость бесперебойной работы производственных цехов, благополучного выполнения плана. Порой подобные действия допускались с молчаливого согласия руководителей наркоматов и представителей военной приёмки продукции. Наиболее распространены были факты завышения данных о количестве изготовленных изделий, “чтобы скрыть развал работы и позорные итоги”⁴.

² К этому времени на заводах Наркомата вооружения из-за отсутствия передков скопилось 25 дивизионов артиллерийских систем, остро необходимых фронту. По этому поводу представители Главного артиллерийского управления Красной Армии обращались во все инстанции, в том числе и к главе НКВД СССР Берия, который как член ГКО был ответственным за производство вооружения (АСвО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 130. Л. 61).

³ АЧО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 3. Л. 145–149.

⁴ Спецсообщение УНКВД по Куйбышевской области “О срыве правительственного задания

¹ АНО. ф. 23. Оп. 6. Д. 49. Т. 2. Л. 126; АСаО. Ф. 10-и. Оп. 1. Д. 11. Л. 37.

Практиковалось также “искусственное выполнение” производственной программы в стоимостном выражении в рублях за счет заведомо более дорогой продукции. Некоторые командиры производства, располагая приятельскими связями в своих наркоматах, добивались корректировки планов в сторону их уменьшения, нередко делалось это необоснованно, сопровождалось ущемлением интересов родственных предприятий, формировало нездоровую конкуренцию и конъюнктуру¹.

С учетом ущерба, которой наносили обороноспособности страны подобного рода проявления, органы государственной безопасности немало сделали для снижения негативных последствий хозяйственных и должностных преступлений. Информация о преступных злоупотреблениях служила основанием для заведения уголовных дел, но чаще всего она в форме спецсообщений поступала в партийные органы ВКП(б) для соответствующего реагирования. Некоторое представление о содержании спецсообщений в партийные органы дает информация УНКВД по Челябинской области от 3 октября 1942 г., подписанная начальником Управления Дроздецким: “Сентябрьская программа по выпуску танков КВ-1с и Т-34 Кировским заводом не выполнена. На 13 часов 1 октября с.г. прошли пробеги (заводской и военпредовский) 105 машин Т-34 и 156 машин КВ-1с. Из них опломбировано военпредом: Т-34 – 97, КВ-1с – 147 вместо 300 Т-34 и 180 КВ-1с по Сталинскому заданию. 2 октября с.г. директор завода Манохин С.Н. приказал начальнику ОТК завода Купчину Н.Г. оформить в счет сентябрьской программы 220 машин Т-34

по выпуску самолетов Ил-2 заводом № 1 НКАП”, направленное в местный ОК ВКП(б) в ноябре 1942 г. (АСаО. Ф. 10-и. Оп. 1. Д. 40. Л. 74).

¹ АНО. Ф. 23. Оп. 6. Д. 48. Л. 67; АСаО. Ф. 10-и. Оп. 1. Д. 40. Л. 76, 81, 85; там же. Д. 14. Л. 24; там же. Оп. 1. Д. 129. Л. 145; там же. Д. 134. Л. 105, 165, 212; там же. Д. 132. Л. 114; там же. Д. 109. Л. 38; там же. Д. 165. Л. 68; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1347. Л. 172; там же. Д. 1049. Л. 60; там же. Д. 1058. Л. 56; там же. Д. 1062. Л. 96; там же. Д. 2408. Л. 131; там же. Д. 2391. Л. 120; там же. Д. 2077. Л. 26; РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 1. Д. 1. Л. 103; там же. Д. 63. Л. 158.

и 180 машин КВ-1с, о чем доводим до вашего сведения”².

Анализ сохранившихся в архивах материалов позволяет сделать вывод о том, что в информировании местных партийных органов ВКП(б) территориальными органами госбезопасности приоритет принадлежал вопросам производственного характера. В качестве примера можно привести наиболее важную тематику спецсообщений (более 50%), направленных в Свердловский областной комитет ВКП(б) местным Управлением НКВД в 1942 – начале 1943 г.: о взрывах, пожарах, авариях; взрыво-, пожароопасной и аварийной обстановке на объектах народного хозяйства (16,9%); о ходе выполнения производственных программ, строительства промышленных объектов; о причинах, препятствующих нормальному выпуску военной продукции (13,3%); о политических настроениях трудящихся (12%). Остальную часть составили спецсообщения о шпионаже, диверсиях, вредительстве и саботаже, о неудовлетворительном качестве военной продукции, о низкой трудовой дисциплине, о злоупотреблениях руководящих работников служебным положением, о негативных социальных процессах среди заключенных и военнопленных³. Как видим, информационная работа органов государственной безопасности охватывала довольно широкий круг проблем, решение которых способствовало укреплению обороноспособности СССР.

Недостатки и злоупотребления в снабжении населения промышленными и продовольственными товарами также наносили ущерб обороноспособности, так как приводили к социальной напряженности и антиправительственным настроениям в собственном тылу. Вопрос оказался настолько серьезным, что в областных и городских комитетах ВКП(б) были созданы отделы торговли и общественного питания⁴. Но должным образом развернуть борьбу с хищениями и спекуляцией не удавалось. В немалой степени это зависело от позиции органов власти на местах. Райкомы и горкомы

² АЧО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 5. Л. 9.

³ Подсчитано автором по: АСвО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 165. Л. 61–68, 70–73, 75–78, 80–83, 85–88.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 103. Л. 35.

ВКП(б) зачастую самоустранились от этой работы и передоверяли заботу о трудящихся работникам торговли и общественного питания. В итоге – “излишняя нервозность” среди населения¹. В конце-концов, к наведению порядка в “товаропроводящей сети” подключили органы государственной безопасности. 20 апреля 1942 г. Берия подписал приказ №176, которым возложил на ЭКУ НКВД и соответствующие подразделения территориальных органов госбезопасности “оперативно-чекистское обслуживание” объектов Наркомата торговли. Согласно приказу, требовалось выявлять антисоветский и иной преступный элемент и вести его разработку, вскрывать факты вредительства, антигосударственной практики планирования, организованного хищения, злоупотреблений с продовольственными карточками и других действий, срывающих снабжение населения продовольственными и промышленными товарами. Кроме того, сотрудники госбезопасности должны были собирать информацию для партийно-советских органов о недостатках в снабжении населения продуктами и промышленными товарами. Полностью доверить такую работу самим сотрудникам партийных и советских аппаратов, видимо, было невозможно: попытки органов госбезопасности навести в торговле порядок наталкивались на сопротивление представителей этих аппаратов. Крутой порука среди них действовала порой настолько мощно, что существенно снижала эффективность усилий органов государственной безопасности повлиять на обстановку в интересах трудящихся².

Необходимость исполнения контрольных и хозяйственно-организаторских функций, воз-

ложенных на органы государственной безопасности, оперативным составом и начальниками подразделений поначалу воспринимались неоднозначно. Одни считали, что вследствие этого оперативная деятельность превращалась в оперативно-хозяйственную и на особо важных объектах смыкалась с исполнением обязанностей снабженцев-“толкачей” и государственных контролеров. Уклонение в диспетчерскую работу и выполнение иных обязанностей, связанных с военной экономикой, приводили, по их мнению, к такому положению, когда можно “просмотреть контрреволюцию”³. Со временем они приняли точку зрения остальных оперработников и пришли к убеждению, что непосредственно занимаясь промышленным производством, устраняя причины, препятствующие успешной работе тружеников тыла, органы государственной безопасности тем самым решают также сложную задачу обеспечения обороноспособности страны.

Вместе с тем, материалы проверок оперативной деятельности органов госбезопасности показывают, что возложение на них контрольно-инспекционных и хозяйственно-организаторских функций отвлекало оперативный состав от исполнения своих прямых обязанностей, связанных с организацией и проведением контрразведывательных мероприятий, то есть наносило ущерб борьбе с разведывательно-подрывной деятельностью противника.

В дополнение к этому можно сказать следующее. Особенности административно-командной системы управления предполагали активное использование органов государственной безопасности в решении задач экономического характера. С учетом предвоенного опыта на оперативные подразделения органов госбезопасности были возложены контрольно-инспекционные и хозяйственно-организаторские функции.

Контрольно-инспекционные и хозяйственно-организаторские функции органов госбезопасности заключались в информационном обеспечении принятия управленческих решений органами власти и партийными органами; в участии в производственном процессе, включая доставку продукции потребителям; в

¹ Там же. Оп. 22. Д. 2320. Л. 13.

² Среди рассмотренных автором архивных источников эту тему наиболее детально раскрывают материалы трудного процесса привлечения к уголовной ответственности в 1942 г. в Челябинской области управляющего Кыштымского медьпродснаба Черемных, директора Кыштымского пищевого Ушакова и начальника цеха этого же предприятия Бахарева, которые при поддержке местных партийных и советских руководителей занимались хищениями продуктов, имели на дому значительные их запасы, которыми спекулировали (АЧО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 2. Л. 280–290).

³ АНО. Ф. 23. Оп. 6. Д. 48. Л. 10.

контроле за деятельностью администрации промышленных объектов, за ходом реализации постановлений ГКО и правительственных заданий по выпуску продукции для фронта; реализации методов административного принуждения в сфере промышленного производства; в устранении негативных причин, вносивших дезорганизацию в работу тыла, создававших социальную напряженность и снижавших производительность труда.

В ряде случаев вследствие неспособности государственно-партийных структур результативно выполнять свои задачи, органы госбезопасности вынужденно их подменяли, так как оказались для этого более приспособлены: обостренное чувство ответственности сотруд-

ников и их дисциплинированность, наличие разветвленной агентурно-осведомительной сети, позволявшей своевременно вскрывать недостатки и оперативно на них реагировать, тесное взаимодействие между собой и органами власти, а также другие факторы ставили органы государственной безопасности на ключевую позицию. В глубоком тылу СССР они были практически единственной реальной силой, которая под угрозой репрессий могла в какой-то степени компенсировать недостатки в производстве и транспортировке военной продукции, способствовать преодолению межведомственных противоречий и несогласованностей.